

История и эмоции:

О чувстве сострадания историка

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Я сегодня затрону тему, которая имеет прямое отношение как к ЛЮДЯМ, так и к ТЕКСТАМ Речь идёт о человеческих чувствах, которые проявляют себя и в ЛЮДЯХ, и в ТЕКСТАХ.

Чувства всегда присутствовали в человеческой истории, сопровождали и наполняли её. Человеческая история изначально была полна чувств и эмоций! И до тех пор, пока чувства являлись лишь «объектом» исторического исследования, никаких проблем у историков с ними, в общем-то, не было.

Но как только чувства переставали быть *пассивным объектом* исторических исследований, как только они начинали оказывать самое непосредственное воздействие на процессы восприятия прошлого и становились *действующим фактором* этих процессов, то тогда отношение к ним у историка кардинально менялось.

В этом случае чувства вызывали у него глубокое недоверие и подозрение, потому что в исторической науке существует неписаное правило, что историк в процессе исследования прошлого не должен проявлять своих чувств и эмоций, а он обязан описывать прошлое «объективно» и «нейтрально», принципиально сохраняя эмоциональную дистанцию к нему.

Но разве может историк абсолютно *хладнокровно, безучастно и равнодушно* изображать неописуемо жестокое, кровавое и беспощадное прошлое, не проявляя при этом к нему никаких эмоций? Даже, стремящийся к нейтральности и объективности, историк не в состоянии

оставаться абсолютно равнодушным к жестокому и бесчеловечному прошлому. Но не означает ли это, что историк, проявляя свои эмоции и чувства, таким образом уже нарушает главные принципы исторического исследования — принципы его объективности и нейтральности? Не должен ли историк при любых условиях оставаться беспристрастным наблюдателем прошлого?

С этим вопросом историки пока ещё окончательно не разобрались. Это парадокс, но, подробно и основательно описав чувства человека прошлого, историки в тоже время пока ещё не разобрались со своими собственными чувствами. В вышедшем в 2012 году фундаментальном труде немецкого историка Яна Плампера (Jan Plamper) «История и чувство. Об основах эмоциональной истории» эмоциям самого историка посвящена лишь одна, состоящая всего из трёх страниц, глава «Историк как существо эмоциональное». При этом сама работа Яна Плампера содержит 477 страниц¹!

Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что историки, рефлектируя о *чужих* чувствах и эмоциях, оставляют практически без внимания свои собственные чувства и эмоции. Однако делают это они, к счастью, «как правило», а из правил, как мы знаем, всегда бывают исключения. И хотя этих исключений в области истории эмоций не так уж и много, но назвать их я всё же хотел бы.

Подобным исключением является немецкий теоретик истории Йорн Рюзен (Jörn Rüsen), который в своей статье «Сила чувств в смысле истории» сделал очень верное замечание о том, что «одно дело видеть в эмоциях фактор исторического процесса и совершенно другое — исследовать роль эмоций в ментальных процессах исторического

¹ Plamper, Jan: Gefühle und Geschichte. München: Verlag Siedler 2012. S. 342-345.

мышления»². Тем самым Йорн Рюзен провёл чёткую линию, разделяющую не только *тематически*, но и *методологически* два исследовательских поля в эмоциональной истории — в одном случае речь идёт об исследовательском поле, в котором изучаются *чувства человека прошлого*, а в другом случае — об исследовательском поле, в котором изучаются *чувства самого историка*. И речь здесь идёт не просто о «встрече чувств» человека прошлого и человека настоящего, а о чувственном размежевании двух дисциплин — истории и теории истории.

К чувствам исследователя прошлого, кроме Й. Рюзена, обратился и другой немецкий историк — Вольфганг Моммзен (Wolfgang J. Mommsen), написавший статью о моральной ответственности историка. Его знаменитое имя побудило меня заняться поиском информации о нём. Мне, конечно, пришлось во время этого поиска несколько отвлечься от темы эмоциональной истории и обратиться к биографической тематике, но я об этом несколько не пожалел. Как я выяснил, Вольфганг Моммзен (Wolfgang J. Mommsen) имеет прямое отношение к легендарному немецкому историку античности Теодору Моммзену (Theodor Mommsen, 1817-1903), который в 1902 г. получил Нобелевскую премию в области литературы за свою историю Древнего Рима. Вольфганг Моммзен является его правнуком. Также отец Вольфганга — Вильгельм Моммзен (Wilhelm Mommsen, ум. 1 мая 1966 года) — был известным немецким историком, который, однако, был уличён в сотрудничестве с нацистами (в 1933 г. он подписал документ «Немецкие профессора в поддержку Адольфу Гитлеру», а в 1940 г. вступил в партию национал-социалистов). По этой причине ему после окончания Второй

² Rösen, Jörn: Die Macht der Gefühle im Sinn der Geschichte. Theoretische Grundlagen und das Beispiel des Trauerns. Emotionen, Geschichte und historisches Lernen. Einführende Überlegungen. In: Emotionen, Geschichte und historisches Lernen. Geschichtsdidaktische und geschichtskulturelle Perspektiven. Juliane Brauer / Martin Lücke (Hg.) Göttingen 2013. S. 27. Перевод наш.

Мировой войны не разрешено было вернуться на кафедру немецкой истории университета Марбурга, а в ГДР его труды даже попали в «Список изъятой литературы».

Ситуация с отцом психологически отягощала его, родившихся 5 ноября 1930 года, сыновей-близнецов Вольфганга и Ганса, которые позже тоже стали известными историками в области Новой и Новейшей истории Германии, активно учувствовавшими в послевоенной переориентации немецкой исторической науки на социальную историю. Но сегодня в живых нет уже ни Вольфганга, ни Ганса. Вольфганг Моммзен утонул на курортном острове Узедом в Балтийском море в 2004 году. Немецкий журнал DER SPIEGEL напечатал об этом короткую заметку 11 августа 2004 года, сообщая о том, что отдыхающие острова Узедом обнаружили несомое водой бездыханное тело, которое они вынесли на берег. Прибывший на место происшествия врач смог только установить факт смерти. Утонувшим оказался известный немецкий историк Вольфганг Моммзен³... Его брат Ганс Моммзен скончался в прошлом году в возрасте 85 лет в день своего рождения. Таким образом закончилась история знаменитой династии немецких историков Моммзен. Из молодых Моммзенов мне известен лишь Оливер Моммзен (Oliver Mommsen, род. в 1969 г.), который является актёром немецкого театра и кино. Тут уместно было бы задать и вопрос, почему именно в 21 веке, выдержавшие войны и крушение империй, династии историков начинают вдруг распадаться и исчезать? Но это уже тема другой статьи. Замечу только, что в короткой зарисовке истории династии Моммзен отразилась и вся новейшей немецкой историографии, прошедшей путь развития от

³ Badeunfall: Historiker Mommsen ist tot. DER SPIEGEL vom 11.08.2004. URL: <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/badeunfall-historiker-mommsen-ist-tot-a-312871.html>

«нобелевской премии» до «изъятой литературы» и от неё к современной Historische Sozialwissenschaft. Возвращаюсь к Вольфгангу Моммзену. Так вот в своей статье о моральной ответственности историка он говорит, что

«не как судья, который судит по твёрдо установленным и данным им извне нормам, обходится историк как с предметами своих исследований, так и с читателями, а как личность, которая ответственно руководствуется этическими максимами. По этой причине он обязан обращаться и к этической перспективе описываемых им событий...»⁴

Я был почти готов согласиться с мнением Вольфганга Моммзена, если бы он не заключил свою мысль неожиданной фразой: «...но моральная оценка прошлого как таковая не является задачей историка: Он создаёт лишь духовные предпосылки для неё»⁵.

Но как подобное может функционировать? С одной стороны, Вольфганг Моммзен требует от историка, чтобы тот, приступая к историческому исследованию, руководствовался морально-этическими максимами. С другой стороны, он не советует историку применять эти максимы, потому что «моральная оценка прошлого как таковая не является его задачей...»

⁴ «Nicht als Richter, der nach festgefügt, vorgegebenen Normen urteilt, gleichviel ob er diese verinnerlicht hat oder einfach als vorgegeben betrachtet, sondern als Person, die von verantwortungsethischen Maximen geleitet wird, tritt der Historiker an seine Gegenstände heran und ebenso vor sein Publikum. Insoweit hat er die Pflicht, die moralischen Dimensionen des von ihm dargestellten Geschehens zu thematisieren...» Mommsen, J. Wolfgang. «Die moralische Verantwortlichkeit des Historikers. In: Generation und Gedächtnis. Erinnerungen und kollektive Identitäten. Hg. v. Kristin Platt und Mihran Dabag. Leske + Budrich, Opladen 1995. S. 137. Перевод наш.

⁵ «die moralische Bewertung als solche ist hingegen nicht seine Aufgabe; er (der Historiker, AB.) schafft nur die geistigen Voraussetzungen dafür, dass die von ihm dargestellten Geschehnisse zu thematisieren...». Там же. Перевод наш.

Для чего тогда историку иметь этические максимы, если он не может их применить? И что по этому поводу сказал бы И. Кант, если бы он только услышал, что человеку разрешается иметь этические максимы, но не рекомендуется их применять? Здесь этика лишается практически всякого влияния и воздействия на историческую науку. Но на каком основании это происходит?

Если бы Вольфганг Моммзен нам убедительно доказал и показал, что в области исторического познания морально-этические законы не имеют никакой силы и воздействия, то мы тогда могли бы ещё согласиться с его мнением. Но Вольфганг Моммзен этого никак не доказал. И до тех пор пока он, или же кто-то другой, этого не доказал, морально-этические принципы и нормы продолжают действовать и в области исторического познания.

Тем более, что историк принципиально не в состоянии занять «нейтральную позицию» по отношению к исследуемому им прошлому, потому что и «нейтральная» позиция есть его *конкретная позиция*, которая вполне позволяет оценить себя с морально-этической точки зрения. Даже если историк займёт позицию «независимого» и «нейтрального» наблюдателя прошлого, то и в этом случае он... «займёт позицию». И в этом случае он будет иметь своё «отношение» к прошлому.

Между историческим исследователем и его исследовательским «объектом» всегда существует определённое «отношение», даже если исследователь утверждает, что никакого «отношения» у него к исследуемому им объекту нет. Тем не менее это «отношение» всегда *есть* и проявляет оно себя в обыкновенных понятиях, которые историк использует при описании прошлого.

Применяя понятия, т. е. давая конкретную характеристику событиям и героям прошлого, историк таким образом уже определяет свою позицию и как бы «раздаёт» роли в истории. Называя определённые действия людей «беспощадными» и «бесчеловечными», он явно *осуждает* их. Говоря о «полезных обществу» деяниях, он, наоборот, явно одобряет их. Историк называет конкретных актёров прошлого или «сподвижниками», или «злоумышленниками», или «героями», или «преступниками». Кроме того, его актуальная позиция может со временем радикально измениться, и тогда в глазах современности «герой» прошлого может стать последним «преступником», а «политический преступник» может, наоборот, стать «героем» прошлого времени.

Но что интересно, в подобные моменты переоценки прошлого меняются лишь конкретные исторические характеристики, но не общие понятия «добра» и «зла», которые остаются *неизменно-вечными* категориями, которые историк как бы «привязывает» к конкретным историческим личностям и событиям, выражая таким образом свою этическую позицию по отношению к ним.

Применяя *неизменные* понятия к *изменчивому* миру, историк таким образом проявляет своё «отношение» к нему. Прошлое есть *отношение*. Оно есть *отношение* настоящего к своему прошлому. Вне этого отношения нет и не может быть истории. Своё отношение к прошлому историк демонстрирует, прежде всего, в своих ТЕКСТАХ, в которых он не только *описывает* прошлое, но и *эмоционально* перерабатывает его. Таковы были бы мои возражения Вольфгангу Моммзену. Но Вольфганг Моммзен уже «ушёл» в прошлое.

В прошлое «ушёл» и другой, поистине величайший мыслитель XX столетия, французский философ Поль Рикёр (Paul Ricœur, ум. в 2005 г.), который сказал буквально следующее:

«историк как таковой обязан сдерживать свои чувства [...] Однако, когда речь идёт о событиях близких, как, например, Освенцим, то в этом случае, подчёркивающая дистанцию, позиция моральной нейтральности, которую историк обычно занимает во всех других случаях, является здесь не только нежелательной, но и невозможной»⁶.

Поль Рикёр, таким образом, считает, что историк, пока это для него является возможным, должен сдерживать свои чувства. А невозможным это становится для историка тогда, когда он обращается к истории XX столетия, к которой действительно невозможно относиться *бесчувственно и безучастно*.

Но как тогда историку поступать с событиями отдалённого прошлого, которое тоже было неописуемо жестоким и бесчеловечным? Неужели историк не должен проявлять к такому прошлому никаких чувств и эмоций, не давать ему нравственной оценки, не выражать своего «отношения» к нему? Если историк не оценит далёкого прошлого, то «кто» тогда его оценит? И, вообще, может ли фактор «время» служить главным критерием в моральной оценке прошлого? По моему мнению, нет, никак не может, потому что, действия, достойные осуждения, должны осуждаться всегда, а действия, достойные одобрения, должны одобряться всегда. И это *должно* делаться независимо от фактора «время».

⁶ „Der Historiker als solcher ist gehalten, von seinen Gefühlen abzusehen... Doch wenn es um Ereignisse von größer Nähe geht wie etwa Auschwitz, scheint eine moralische Neutralisierung, wie sie vielleicht angebracht ist, wenn man eine bestimmte Vergangenheit durch ihre distanzierte Betrachtung besser begreifen und erklären will, weder möglich noch wünschenswert. Hier erschallt vielmehr das biblische Lösungswort aus dem Fünften Buch Mose: Zachor! (erinnere dich!), das nicht zwangsläufig mit einer Aufforderung zur Geschichtsschreibung identisch ist.“ Ricœur, Paul: Zeit und Erzählung in drei Bänden. Bd. III: „Die erzählte Zeit“. München 1991. S. 303. Перевод наш.

Занимая эмоциональную позицию по отношению к прошлому, мы должны различать между «простыми эмоциями» и «высокими чувствами» человека. Возможно, что историку в процессе описания прошлого не рекомендуется проявлять простых, а особенно негативных, эмоций и чувств, как, например, чувство национального эгоизма или же презрения к другим народам, а также чувство ненависти и зависти, но историк, однако, просто обязан проявлять свои нравственные чувства, каковыми являются чувства *стыда*, *совести* и *человеческого сострадания*.

Речь идёт именно о «чувствах», а не «мыслях» человека. Ведь *стыд*, *совесть* и *сострадание* являются *чувствами*, а не мыслями. Начиная сострадать, мы, как правило, не взвешиваем с холодной и рациональной расчётливостью все «за» и «против» своего чувства сострадания. Проявляя чувство сострадания, мы не задаём вопросы: «А стоит ли сострадать другому человеку? А что это нам принесёт? А заметят ли это другие?» Если мы только начнём логически обосновывать своё *сострадание* к другому человеку, то тогда наше *сострадание* перестанет быть «состраданием», а станет обыкновенным *расчётом*. В тот момент, когда человек начинает *рационально* обосновывать свои «высокие чувства», он в корне разрушает их.

Специфическое свойство чувств человека заключается в том, что они приходят к нему, не спрашивая его. Конечно, и мысли приходят к человеку, часто не спрашивая его. Но, в отличие от чувств, мысли позволяют обосновать себя логически. А вот любые чувства, включая и «высокие» чувства человека, как, например, чувство *стыда*, *совести* и *сострадания*, логически обосновать себя не позволяют, считают такие философы как Вл. Соловьёв и Артур Шопенгауэр (Arthur Schopenhauer).

Исследуя чувства *стыда* и *совести*, Владимир Соловьёв приходит к выводу, что эти чувства, в принципе, не приносят человеку никакой материальной выгоды или пользы, а скорее мешают ему «жить в своё удовольствие», не позволяя в полную меру развернуться его эгоизму:

«Есть одно чувство, которое не служит никакой общественной пользе, совершенно отсутствует у самых высших животных и, однако же, ясно обнаруживается у самых низших человеческих рас. В силу этого чувства самый дикий и неразвитый человек *стыдится...*»⁷

и тем самым он отделяет себя от природы и возвышается над ней. Именно из чувства *стыда* у человека со временем развилось чувство *совести*. И хотя оба этих чувства, утверждает Владимир Соловьёв,

«говорят разным языком и по разным поводам, но смысл того, что они говорят, один и тот же: *это не добро, это недолжно, это недостойно*»⁸.

На тот же самый момент указывает и немецкий философ Артур Шопенгауэр, который, правда, анализирует не *чувство стыда*, а *чувство сострадания*, но и он, анализируя это чувство, приходит к выводу, что оно не позволяет обосновать себя ни рационально, ни логически. Более того, с точки зрения человеческого эгоизма оно является, скорее, бесполезным:

«Этот акт (сострадания —, АБ.), я повторю ещё раз является мистическим процессом — процессом, который невозможно

⁷ Соловьёв, Владимир. Оправдание добра. Нравственная философия. // Соловьёв В. С. Соч. в 2 т. Изд-во: «Директмедиа Паблишинг» 2002. Т. 1. С. 121.

⁸ Соловьёв, Владимир. Указ. соч. С. 133.

рационально объяснить, причины которого невозможно
выяснить. И в тоже время он является реальным актом»⁹.

Современные исследователи чувств обратили внимание на тот момент, что чувства *стыда, совести и сострадания* позволяют себя принципиально разделять. Я могу стыдиться не только за себя, но и за *других* людей. Парадокс, но *мне* может быть стыдно не только за свои действия, но и действия *чужих* людей! В нем. языке существует для этого случая понятие fremdschämen (испытывать чувство стыда за действия *другого / чужого* человека). Но почему мне становится стыдно за те действия, которые я не совершал? Почему я должен стыдиться действий других людей: Потому что чувства *стыда, совести и сострадания* включают в себя общие нормы и принципы, которые понятны и признаны всеми людьми, включая историков. Также историк в состоянии испытывать чувство сострадания. И это вполне естественно! Ведь этическими чувствами должен обладать не только тот, кто «делает» историю, но и тот, кто её «пишет». Человеку не позволено с переменой вида деятельности терять свои моральные качества, которые в реальности, впрочем, никуда и не теряются, а отчётливо проявляют себя как в истории, так и в историописании.

ЧУВСТВА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

К проблеме чувств в истории нам необходимо подходить дифференцированно, потому что чувства в истории играли и играют

⁹ «DIESER VORGANG ist, ich wiederhole es, MYSTERIÖS: denn er ist etwas, wovon die Vernunft keine unmittelbare Rechenschaft geben kann, und dessen Gründe auf dem Wege der Erfahrung nicht auszumitteln sind. Und doch ist er alltäglich». Schopenhauer, Arthur. Über das Mitleid. Hg. und mit einem Nachwort von Franco Volpi. München 2005. S. 79

самую различную роль. Я бы выделил три основные функции чувств:

(1) Чувства могут стать, во-первых, «объектом» исторического познания. С недавних пор в исторической науке существует особое направление, занимающееся исследованием чувств и эмоций. На немецком языке его обозначают как *Emotionsgeschichte*, на английском языке «*history of emotions*» и на французском «*histoire des sensibilités*». Существует ли подобное направление в российской историографии? Это мне неизвестно. Но в Берлинском Макс-Планк-институте с 2008 года существует, возглавляемый Уте Фреверт (Ute Frevert), научный Центр, целью которого является исследование именно истории эмоций и чувств. Для «истории эмоций» понятие «чувство» является такой же *исследовательской категорией*, как и для социально-экономической истории понятия «класс», «общество» или «гендер». Именно история эмоций убедительно демонстрирует нам, что роль чувств в истории постоянно менялась и что их развитие было подвержено, часто трудно объяснимой, динамике¹⁰, считает Уте Фреверт. Её книга «Уходящие чувства» (2013 г.) пользуется, между прочим, необычной популярностью. Уте Фреверт считает, что если в 19 столетии чувства «чести», «героизма» или «любви к Родине» играли очень важную роль, то в наше время

¹⁰ Frevert, Ute: *Vergängliche Gefühle*. Göttingen 2013. 96. S. (Фреверт, Уте. Уходящие чувства. Гёттинген, 2013. 96 с.)

они явно утратили своё значение и поблекли¹¹. Вне всяких сомнений остаётся тот факт, что человеческая история была беспредельно наполнена самыми разнообразными эмоциями и чувствами, которые не только сопровождали исторические события, но и даже инициировали их. Здесь достаточно упомянуть чувство «классовой ненависти» или же чувство «патриотизма», которые не только присутствовали в истории, но и напрямую определили ход её событий. Чувства, когда они охватывают большие группы людей, становятся действенным фактором истории. Массовые протесты, революции, восстания и бунты как правило сопровождались неконтролируемым взрывом человеческих чувств¹².

Люди, однако, не только проявляли свои чувства, но они также и подавляли их в себе, как это делали католические монахи, давая обет безбрачия и сексуального воздержания. Но, будучи не в состоянии подавить свои чувства, они часто и нарушали этот обет, о чём повествуют многочисленные исторические источники. И чем бы сегодня являлась медиевистика, если бы она была лишена тех увлекательных повествований, которые описывают жизнь, тайно проявляющих свои сексуальные чувства, монахов или монахинь. И именно постоянная «борьба»

¹¹ Arp, Doris. Wenn die Zeit die Gefühle bestimmt. Deutschlandfunk-Archiv. Aufrufbar unter: http://www.deutschlandfunk.de/wenn-die-zeit-die-gefuehle-bestimmt.1148.de.html?dram:article_id=238951

¹² На эту тему я опубликовал свою специальную статью: Мораль масс или размышления о философии чувств. Альманах «Вторая навигация». №12, 2013. С. 207-226. [Morals of Masses or Reflection Concerning Philosophy of Feelings. 12th issue of academic almanac Second Navigation].

человеческих чувств с церковными или этическими принципами делает историю человека интересной, многогранной, захватывающей и занимательной. Мы «чувственно» осознаём состояние человека прошлого. А это означает, что чувства для нас являются и «средством» понимания прошлого. И тут я перехожу к следующему пункту, касающегося роли и значения чувств в акте исторического познания.

(2) Чувства и эмоции могут быть не только «объектом», но и «средством» познания прошлого — средством, которое в состоянии, особенно школьникам и студентам, помочь не просто изучить, но и *понять* жизнь человека прошлого. Чувства могут «объяснить» нам, *как* и *почему* функционировали диктатуры, на *какие эмоции* людей опирались механизмы власти и *почему* в обществах прошлого возникали протесты, бунты и революции¹³. История чувств позволяет современному человеку не только *эмоционально* пережить прошлое, но и *чувственно* приблизиться к нему и в прямом смысле слова «почувствовать» его. *Чувства* являются важным фактором процесса понимания прошлого. Они образуют ту самую идентичную базу процесса человеческого понимания, о которой в начале XIX века говорил ещё Вильгельм Гумбольдт (Wilhelm von Humboldt): «Необходимым условием любого понимания определённой вещи является наличие аналога между понимающим и понимаемым, т. е.

¹³ Арп, Doris. Указ. соч.

наличие изначального тождества (идентичности) между познавательным субъектом и его объектом»¹⁴. Особенно это касается чувственного мира человека. Мы можем, иметь трудности с пониманием *мыслей* другого человека, но его *чувства* мы, как правило, воспринимаем, понимаем и переживаем без проблем. Не случайно Вильгельм Дильтей (Wilhelm Dilthey) утверждал, что «понимание — это нахождение себя в другом» (Das Verstehen ist ein Wiederfinden des Ich im Du)¹⁵. Он по праву указывал на тот факт, что в акте понимания любое переживание перестаёт быть индивидуальным переживанием, потому что в этом акте один человек стремится понять другого человека¹⁶. Также научная история представляет собой попытку «найти себя в другом». Однако «чужие» чувства становятся мне понятны лишь тогда, когда они превращаются в «мои» чувства. То есть, прежде чем стать «чужими», чужие чувства должны явиться мне в «моих» собственных чувствах, а иначе мне «чужих» чувств никак не понять. Причём речь здесь идёт об акте «первоначального понимания», который является не *оценочным*, а *познавательным* актом. Когнитивную сторону чувственных процессов в истории исследуют как теоретики, так и дидактики

¹⁴ «Jedes Begreifen einer Sache setzt, als Bedingung seiner Möglichkeit, in dem Begreifenden schon ein Analogon des nachher wirklich Begriffenen voraus, eine vorhergängige, ursprüngliche Uebereinstimmung zwischen dem Subjekt und Object...» Humboldt, W. Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers. Schriften zur Anthropologie und Geschichte. Stuttgart 1960. S. 597. Перевод наш.

¹⁵ Dilthey, Wilhelm. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Frankfurt a. M. «Suhrkamp», 1993. S. 235.

¹⁶ Dilthey, Wilhelm. Указ. соч. S. 171.

истории, которые в этой связи говорят о «нарративных эмоциях» или же «эмоциональном нарративе».

(3) Но для исторической науки чувства могут быть не только её «объектом» или же её «средством» познания прошлого, но они могут быть и её *оценочными* категориями.

Последний пункт я считаю настолько важным, что остановлюсь на нём несколько подробнее.

ЧТО ЕСТЬ ЧУВСТВО?

Мы уже довольно долго рассуждаем о чувствах, не дав при этом им никакого определения. Но **что есть чувство?**

Чувство есть, с одной стороны, *самовосприятие* и *ощущение* человека. Слово *чувство* происходит от «чуять» — *ощущать, воспринимать*. Но человек может «чуять дым», который является внешним чувством, а может «почувать смерть», что является внутренним ощущением человека («чувет сердце»), т.е. «чувствие» может быть и *само-чувствием*. В любом случае, чувство есть *переработанное человеком* ощущение, продукт его *внутренних* эмоциональных процессов и переживаний.

С другой стороны, чувство может быть не только внутренним восприятием, но и внешним сигналом человека, который он посылает своему окружающему миру. Посылая *чувственные* сигналы внешнему миру, человек таким образом позиционирует себя по отношению к нему и одновременно *оценивает* его. Чувства в состоянии выполнять и *оценочную* функцию. Эту функцию чувства начинают выполнять уже на уровне самых простейших ощущений

человека, например, при восприятии *запахов*. Воспринимая запахи, человек тут же *оценивает* их как «плохие» или «хорошие». Но «плохими» и «хорошими» для человека могут быть не только запахи, но и действия людей. Однако речь здесь идёт всё же о совершенно разных «чувственных системах». Ведь одно дело — оценивать запахи и совершенно другое дело — оценивать действия человека по принципу «хорошие» и «плохие».

Как чувство *обоняния*, так и чувства *стыда* и *сострадания* выполняют *оценочные* функции, помогая человеку не только понять, но и оценить происходящее. Однако чувство обоняния не является нравственным чувством, а чувства *стыда* или *сострадания*, напротив, таковыми являются. Ведь, проявляя чувство сострадания, человек не просто посылает сигнал окружающему миру, но он ещё и реагирует на состояние другого человека, (со)переживая и (со)чувствуя ему. Для историка чувство сострадания является очень важным чувством, позволяющим ему не только понять прошлое, но и выразить своё «отношение» к нему.

ЭТИКА СОСТРАДАНИЯ

Тот, кто обращается к чувству человеческого сострадания, не в состоянии обойти этику Артура Шопенгауэра, для которого это чувство является главной движущей силой (*Triebfeder*) всех, без исключения, *моральных* действий человека. Артур Шопенгауэр принципиально различает между тремя движущими силами (*Triebfeder*), которые лежат в основе абсолютно всех человеческих действий и поступков:

- а) эгоизм, который хочет только собственного блага (он безграничен);

б) злоба, которая хочет чужого горя (доходит до самой крайней жестокости);

с) сострадание, которое хочет чужого блага (доходит до благородства и великодушия) »¹⁷.

В том, что Артур Шопенгауэр на первое место ставит и особо выделяет чувство эгоизма, нет никакой случайности. Эгоизм для Артура Шопенгауэра является таким чувством, которое образует основу любого существования (человека, животного, растения). Он не только неразрывно связан с сущностью живого существа, но он и тождествен ей. Причина этого лежит в том, что каждый, как говорит Шопенгауэр, дан сам себе НЕПОСРЕДСТВЕННО, а другие, напротив, даны ему лишь ПОСРЕДСТВЕННО и «непосредственность в этом случае утверждает своё (безусловное) право доминировать мир» (und die Unmittelbarkeit behauptet ihr Recht)¹⁸.

С морально-этической точки зрения «эгоизм есть первая сила, которую должна перебороть человеческая мораль»¹⁹, утверждает по праву Шопенгауэр. Но осуществить это любому ЭГО совершенно непросто, потому что ЭГО знает только свои собственные интересы, сочувствует только самому себе, имеет сострадание только к самому себе: «Эгоизм колоссален — он возвышается над миром», констатирует Шопенгауэр.

Но ЭГО в состоянии не только беспредельно расширять, но также и радикально ограничивать свои *эгоистические* интересы. В тех случаях, когда ЭГО принимает во внимание не только свои интересы, но и интересы другого человека, оно перестаёт быть *эгоистичным*, а становится *альтруистичным*. Артур Шопенгауэр считает, что уже одно только

¹⁷ Schopenhauer, Arthur. Указ. соч. S. 79.

¹⁸ Schopenhauer, Arthur. Указ. соч. S. 62.

¹⁹ DER EGOISMUS also ist die erste und hauptsächlichste, wiewohl nicht die einzige Macht, welche DIE MORALISCHE TRIEBFEDER zu bekämpfen hat. Schopenhauer, Arthur. Указ. соч. S. 64.

«отсутствие любой эгоистичной мотивации является КРИТЕРИЕМ ДЕЙСТВИЯ, ИМЕЮЩЕГО МОРАЛЬНУЮ ЦЕННОСТЬ»²⁰.

Вопрос заключается лишь в том, возможны ли в нашем современном мире, который является миром сплошных эгоистов, действия, целью которых было бы не собственное благо, а благо *другого* человека, ставит свой вопрос Артур Шопенгауэр и даёт на него положительный ответ: Такие действия не только возможны, но они и совершаются повседневно. Ведь это тот самый,

«повседневный феномен *СОСТРАДАНИЯ*, т. е. совершенно непосредственного, независимого от всяких иных соображений *УЧАСТИЯ* прежде всего в *СТРАДАНИИ* другого, а через это в предотвращении или прекращении этого страдания, в чём, в последнем итоге, и состоит всякое удовлетворение и всякое благополучие и счастье. Исключительно только это сострадание служит действительной основой всякой *СВОБОДНОЙ* справедливости и всякого *ПОДЛИННОГО* человеколюбия»²¹.

Артур Шопенгауэр стремится понять и объяснить структуры и механизмы действия чувства сострадания, в котором он видит основу человеческой морали. При этом он обращает внимание на тот факт, что чувство сострадания предполагает,

«что я в какой-то степени идентифицирую себя с другим и что этот барьер (перегородка) между я и не-я на какой-то момент исчезает; только тогда состояние другого — его потребность, его нужда, его страдание —, непосредственно становится моим состоянием»²².

²⁰ «die Abwesenheit aller egoistischen Motivation ist also das KRITERIUM EINER HANDLUNG VON MORALISCHEM WERT. » Schopenhauer, Arthur. Указ. соч. S. 71.

²¹ Schopenhauer, Arthur. Указ. соч. S. 77.

²² «daß ich mich mit dem Andern gewissermaßen identificirt habe, und folglich die Schranke zwischen Ich und Nicht-Ich, für den Augenblick, aufgehoben sei: nur dann wird die Angelegenheit des Andern, sein Bedürfniß, sein Noth, sein Leiden, unmittelbar zu meinigen...» Schopenhauer, Arthur. Указ. соч. S. 104.

Но ведь и историк, исследуя прошлое, в «какой-то степени» идентифицирует себя с другим. Историк может только тогда понять прошлое, если он начнёт «в какой-то степени идентифицировать» себя с ним. Усилия как этики, так и истории нацелены, таким образом, на то, чтобы *понимать* действия других людей. Но если это так, то тогда обе эти дисциплины вынуждены использовать один и тот же познавательный *метод*, суть которого заключается в том, чтобы «понимать» действия других людей.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЫВОДЫ

Этика и история действительно применяют один и тот же познавательный метод, а именно метод «понимания». По этой причине они не только тесно связаны друг с другом, но ещё и зависят друг от друга. Взаимозависимость этики и истории объясняется тем, что, преследуя свои специфические цели, каждая из этих дисциплин принципиально нуждается в знаниях другой дисциплины. Этика не может обойтись без истории, история — без этики. Под историей я понимаю здесь *историческую герменевтику*. Последняя, без сомнения, в состоянии исследовать механизмы *понимания* человеческих действий, но она не в состоянии обосновать критерии для их *моральной оценки*. Потому что выработать подобные критерии может одна только этика, которая, в свою очередь, не в состоянии исследовать механизмы процесса человеческого понимания, потому что исследованием этих механизмов занимается историческая герменевтика. Но знание этих механизмов необходимо не только истории, но и этике, потому что **там, где нет «понимания», там нет и не может быть чувства сострадания**. Ведь прежде чем «сострадать», человек должен «понимать». «Понимание», таким образом, является первым условием акта «сострадания». По этой причине этика и история

вынуждены были всегда тесно работать друг с другом и постоянно обмениваться результатами своих исследований.

Необходимость связи между этикой и историей осознали уже мыслители XIX столетия. Не случайно в «Историке» Й.Г. Дройзена (J.G. Droysen) ключевую роль в историческом процессе играют «нравственные силы» (Sittliche Mächte), без которых история лишилась бы у него всякой ориентации и смысла:

«Исторические вещи имеют свою истину в нравственных силах (как естественные — в механических, физических, химических и т. д. «законах»); они являются ее соответствующим претворением в жизнь»²³.

Таково было мнение историка Й.Г. Дройзена, историческая концепция которого строилась, прежде всего, на этических принципах. Но и философ Артур Шопенгауэр для того, чтобы обосновать свою этическую модель, вынужден был обращаться к конкретному историческому опыту. В такие моменты его *философская аргументация* принимала форму *исторической интерпретации*:

«кто осмелится хотя бы на мгновение засомневаться в том, что та, описанная мной, движущая сила (имеется в виду чувство сострадания, АБ.) во все времена и у всех народов, во всех жизненных ситуациях, включая самые незаконные периоды человеческой истории, даже периоды самых мерзких войн и революций, что эта сила — и только она одна —, проявляя себя каждый день каждый и каждый час, как в великом, так и в малом, демонстрировала нам своё решающее и чудотворное воздействие, ежедневно препятствуя распространению несправедливости и осуществляя добрые дела и поступки без какого-либо ожидания на

²³ Дройзен, Йоганн Густав: Очерк истории. [Электронный ресурс]. Пер. с нем. СПб., 2004 § 15. – Режим доступа: http://anna-ganzha.narod.ru/droizen_historica.pdf

вознаграждение и плату. ВСЕ мы с волнением и уважением должны безусловно признать её настоящую моральную ценность»²⁴.

Но кто, хотя бы на мгновение, осмелится засомневаться и в том, что чувство человеческого сострадания сыграло свою исключительную роль не только в истории, но и в историографии?

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО

В своей рецензии на книгу «Стоны раненых» (Henning Ritter «Die Schreie der Verwundeten») Ульрих Грейнер (Ulrich Greiner) цитирует французского мыслителя Алексиса Токвиля (Alexis-Charles-Henri Clérel de Tocqueville), который накануне освобождения чернокожих в США указал на существование необъяснимой тенденции:

«Кажется, что в Соединённых Штатах предрассудки по отношению к чёрным растут в такой же степени, в какой они перестают быть рабами».

Чем свободнее, таким образом, становились чернокожие в США, тем сильнее проявлялись предрассудки и усиливалась дискриминация по отношению к ним. Как можно объяснить это противоречивое явление?

Объяснить это явление можно тем, что одно юридическое равноправие не в состоянии создать и гарантировать в обществе справедливости, если в этом обществе нет места чувству сострадания²⁵, считает Ульрих Грейнер.

²⁴ «einen Augenblick in Abrede zu stellen, daß sie zu allen Zeiten, unter allen Völkern, in allen Lagen des Lebens, auch im gesetzlosen Zustande, auch mitten unter den Gräueln der Revolutionen und Kriege, eine entschiedene und wahrhaft wundersame Wirksamkeit äußert, täglich vieles Unrecht verhindert, gar manche That, ohne alle Hoffnung auf Lohn und oft ganz unerwartet ins Daseyn ruft, und daß wo sie und nur sie allein wirksam gewesen, wir Alle mit Rührung und Hochachtung der That den ächten moralischen Werth unbedingt zugestehen.» Schopenhauer, Arthur. Указ. соч. S. 112. Перевод наш.

²⁵ Greiner, Ulrich. Auf der Schlachtbank. DIE ZEIT 09 /2013.

Но то же самое действует и по отношению к историку! Последний может, без сомнения, строго следуя законам исторической науки, «объективно» и «нейтрально» описать страшные преступления прошлого, не проявляя к ним при этом никаких этических чувств и эмоций. Реконструировать таким способом прошлое историк, конечно, может, но «преодолеть» его *таким образом* он не сможет никогда, потому что преодоление преступного прошлого предполагает его *эмоциональную* переработку. Прошлое может только тогда быть *преодолено*, если оно станет *человеческим чувством*.

В немецкой исторической традиции существует понятие «Vergangenheitsbewältigung», которое на русский язык переводится как «преодоление прошлого». Слово «Bewältigung» происходит от слова «Gewalt», т. е. сила. Речь идёт о внутренней силе человека. Немцам необходимо было найти в себе силы для того, чтобы преодолеть своё, неопишимо жестокое и бесчеловечное, прошлое. Сила эта заключается в способности к состраданию и пониманию по отношению к жертвам. Проявляя чувство *(со)страдания* к невинным жертвам преступного прошлого, мы таким образом не только очищаем себя, но и восстанавливаем, утерянную, забытую и затоптанную справедливость. Восстановление справедливости является функцией не только коллективной или же национальной памяти, но и научной истории, которая не может существовать независимо от этики и морали. И это полное недоразумение считать, что историческая наука стоит вне этики и морали. Скорее наоборот, историческая объективность возможна только там, где соблюдаются этические законы и моральные принципы, где проявляются высокие чувства и эмоции. Если историк не в состоянии *эмоционально* пережить прошлое, не в состоянии *почувствовать* и понять страдания людей прошлого, то он никогда не сможет его *преодолеть*. Эмоционально непережитое и непрочувствованное прошлое останется

непознанным, непонятым и, в конце концов, *непреодолённым* прошлым, которое будет постоянно «кровоточить» как открытая рана. Описывая прошлое, историк таким образом посылает сигналы окружающему миру. Но если его сигналы лишены каких-либо чувств и эмоций, то *что* они тогда могут сказать окружающему миру?

Литература

- Arp, Doris, Wenn die Zeit die Gefühle bestimmt. Deutschlandfunk-Archiv. Aufrufbar unter:http://www.deutschlandfunk.de/wenn-die-zeit-die-gefuehle-bestimmt.1148.de.html?dram:article_id=238951
- Буллер Андреас: Мораль масс или размышления о философии чувств. Альманах «Вторая навигация». №12, 2013. С. 207-226.
- Dilthey, Wilhelm. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Frankfurt a. M. «Suhrkamp», 1993.
- Дройзен, Йоганн Густав: Очерк историки. Пер. с нем. СПб., 2004.
- Frevert, Ute: Vergängliche Gefühle. Göttingen 2013.
- Greiner, Ulrich. Auf der Schlachtbank. DIE ZEIT 09 /2013.
- Humboldt, W. Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers. Schriften zur Anthropologie und Geschichte. Stuttgart 1960.
- Mommsen, J. Wolfgang. «Die moralische Verantwortlichkeit des Historikers. In: Generation und Gedächtnis. Erinnerungen und kollektive Identitäten. Hg. v. Kristin Platt und Mihran Dabag. Leske + Budrich, Opladen 1995.
- Plamper, Jan: Gefühle und Geschichte. München: Verlag Siedler 2012.
- Ricœur, Paul: Zeit und Erzählung in drei Bänden. Bd. III: „Die erzählte Zeit“. München 1991.
- Rösen, Jörn: Die Macht der Gefühle im Sinn der Geschichte. Theoretischen Grundlagen und das Beispiel des Trauerns. Emotionen, Geschichte und historisches Lernen. Einführende Überlegungen. In: Emotionen, Geschichte und historisches Lernen. Geschichtsdidaktische und geschichtskulturelle Perspektiven. Juliane Brauer / Martin Lücke (Hg.) Göttingen 2013.
- Schopenhauer, Arthur. Über das Mitleid. Hg. und mit einem Nachwort von Franco Volpi. München 2005. (перевод на русский язык Ю. И. Айхенвальда).
- SPIEGEL ONLINE KULTUR: Badeunfall: Historiker Mommsen ist tot. Die Ausgabe vom 11.08.2004. Aufrufbar unter: <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/badeunfall-historiker-mommsen-ist-tot-a-312871.html>
- Соловьёв, Владимир. Оправдание добра. Нравственная философия. // Соловьёв В. С. Соч. в 2 т. Изд-во: «Директмедиа Паблишинг» 2002. Т. 1.